

Видевший Меня
видел Отца

Евангелие от Иоанна, гл. 14, ст. 9

C

искренней благодарностью
посвящается всем, кто наставлял, направлял и поддерживал меня:

Елизавете Павловне Озолиной,
отцу Николаю Ребиндеру
и всему приходу Введенской церкви при РСХД,
отцу Николаю Озолину,
отцу Владиславу Трёмбовельскому,
отцу Амвросию Никовиотису,
Нине Константиновне Рауш де Траубенберг,
а также Элен Липиетц и Рёми Рукету

A

vec une infinie gratitude,
ce livre est dédié à tous ceux qui m'ont guidée et soutenue :

Elisabeth Osoline
Père Nicolas Rehbindler
et toute la paroisse de l'église de la Présentation de la Vierge au Temple
Père Nicolas Osoline
Père Vladislav Trembovsky
Père Ambroise Nikoviotis
Nina Rausch de Traubenberg
ainsi que Hélène Lipietz et Rémi Rouquette

По словам Псевдо-Дионисия Ареопагита, «вещи явленные суть воистину иконы вещей незримых». Эта формулировка, по мнению С. Аверинцева, лежала в основу византийского понимания иконы как изображения, хотя и существенно отличающегося от первообраза, однако несущего в себе реальное присутствие этого первообраза. Именно поэтому огромное значение придается символическому ряду в иконе и, в частности, символике цвета.

Каждый обращал внимание на то, что иконы часто пишутся на золотом фоне. Золотой, или сияющий желтый цвет в иконографии – образ Божиего присутствия, нетварного Фаворского света, вечности и благодати. Золотом пишутся нимбы святых, золотыми штрихами (ассистом) прописываются одежды Спасителя, Евангелие, подножия Спасителя и ангелов.

Белый цвет символизирует невинность, чистоту, святость, сияние Божественной славы. В белых одеждах изображается воскресший Христос, ангелы, праведники.

Красный цвет, как пишет священник Павел Флоренский, обозначает мысль Бога о мире, синий – стремление мира к Богу, зеленый – цвет гармонии Божественного бытия, предвечный покой. Красный цвет – образ жертвы Искупителя, красным пишется София Премудрость Божия, красное одеяние Богородицы говорит нам о предначертанности Ее удела. Синий цвет, означающий чистоту и целомудрие, также является атрибутом Богородицы, символом Ее приснодевства. Пурпурный – знак царского достоинства, фиолетовый передает особенность служения святого угодника, багряный – величие, черный – пустоту, отсутствие благодати, смерть, но также и отречение от мирской суеты, смирение и покаяние.

Не следует, однако, воспринимать вышесказанное как некий окончательно заданный словарь символических знаков. Речь здесь идет об общих тенденциях употребления цветовой гаммы, и значение имеют скорее сочетания цветов, чем отдельно взятый цветовой элемент.

Здесь хотелось бы обратить внимание на принципиальное отличие византийской иконописи от религиозной живописи. Иконописец, в отличие от живописца, не стремится к пробуждению чувственности. При всем богатстве внутреннего мира икона аскетична, лишена внешней экспрессии, поскольку принадлежит вечности. Насыщенная эмоциями и страстями западноевропейская живопись находится в плену у временного, земного мира; пытаясь передать трансцендентное посредством образов чувственного мира, она оказывается в ловушке тленного и преходящего, в то время как икона, воздействующая не на эмоциональную сферу, а на область внутреннего религиозного чувства, иначе говоря – постигаемая умом и интуицией, дает нам возможность непосредственно созерцать Божественную Славу.

*Енас
Всегерожители*

*Сериумтворный
Образ*

Енас
Имани

Архангел

Михаил

Дорогуща
«Надежда всех
и утешение»

Скит Казанской Божией Матери, Муазнэ, Франция

*Дорогуща
Казанская*

*Дорогидца
Змилетте*

Дорогочина

Владимирская

*Погородина
Семистрельная*

*Дорогостоя
Меконитателъница*

Дорогиза
Иерусалимская

Дорогидца
Умление

СВЯТЫЙ ДАНИИЛ

ГЛАГОЛА
Е ПОСЛА
ПРАКЪТЪ
КАКОМЪ
ШЕА ДО
ЗВЕСНИ
ДОУРА
ДО СВА
ДАНИИ

Святой
пророк Давид

БЛАЖЕННІЕ ПР
ИМИ МОЛИТЕСЯ
РАБЪ ТВОИХЪ
И ИЗБАВИ СЯ
ВЛАДИ ПУЖ
АНІ ПЕЧАЛИ

Святой преподобный

Сергий Радонежский

Святой праведный
Алексий
Солженицкий

Церковь Введения Пресвятой Богородицы во Храм, Париж, Франция

Священномученик
Димитрий
Парижский

Церковь Введения Пресвятой Богородицы во Храм, Париж, Франция

*Святой мученик
Георгий
Парижский*

Церковь Введения Пресвятой Богородицы во Храм, Париж, Франция

*Святая
преподобномученица
Мария
Парижская*

Церковь Введения Пресвятой Богородицы во Храм, Париж, Франция

*Святой мученик
Илья
Парижский*

Церковь Введения Пресвятой Богородицы во Храм, Париж, Франция

Святые апостолы

*Петр
и Андрей*

Святитель
Исидор
Пелусийский

Святая
Мария
Евгеньевская

A large, light purple decorative swirl or flourish that starts from the left edge and curves upwards and then downwards, framing the text.

*Святая
Евдокимия
Екатерина*

Святая
Великомученица
Барбара

Братские
Марии
и Елизаветы

Бретение
святой Лины

Святой апостол
евангелист Лука

Святой апостол
евангелист Иоанн
с Пророком

Святой
преподобный Герасим
иже на Иордане

Святые
благоверные князя
Дорис и Глеб,
страстотерцы

*Святой
Великомученик
Георгий Победоносец*

Святой
великомученик
Георгий Победоносцу

*Мранеза
в Дунаусе*

Время и познание: богословский и общенаучный контекст

Вечность не постижима умом, она не принадлежит человеку, но след её мерцает в религиозном сознании. Выражаясь метафорически, вечность — это то, что находится над верхним пределом категории времени, нижний предел которой напоминает многокилометровый слой льда, по которому без усталости стучат ледорубы подвижников науки.

На заре третьего тысячелетия мысль об относительности понятия «время» уже несколько не удивляет широкие ряды образованной публики. Осознание того факта, что время не всегда течет одинаково, стало достоянием массового сознания. Свою роль в этом сыграли и популяризаторы теории относительности Эйнштейна, о которой хотя бы понаслышке знает теперь каждый (хотя далеко не всякий способен внятно изложить, в чем, собственно, она заключается, большинство уверенно воспроизведет формулу «е-равно-ми-квадрат» и расскажет о том, что при скоростях, близких к скорости света, время замедляется), и писатели-фантасты, на протяжении второй половины двадцатого века производившие в огромных количествах околону научные описания полетов в космос и связанных с космическими путешествиями парадоксальных сдвигов во времени, и кинематографисты, также внесшие свой вклад в формирование в массовом сознании идеи о неравномерности течения времени (помните фильм семидесятых годов «Отроки во Вселенной»? Кто не видел — спросите у родителей, они вам расскажут, как отправившиеся в космическую экспедицию школьники, выйдя на очередной сеанс связи с Землей, с ошеломлением обнаруживают, что их одноклассники успели вырасти, получить профессию и обзавестись семьей — в то время как на корабле прошло несколько дней, на Земле пролетело три десятилетия). Последствия такой объединенной работы огромного количества специалистов очевидны: к нынешнему моменту уже любому ясно, что хотя при обычных обстоятельствах привычная линейная шкала измерения времени удовлетворительна и удобна, тем не менее, существуют условия, когда она неприменима.

Идея о нелинейности времени с давних времен входила в круг богословских воззрений, хотя, разумеется, формулировалась иным образом и соотносилась с иными понятиями.

Прежде всего, богословское представление о времени, в отличие от представлений других наук, включает в себя его ограниченность – время имеет начало и конец. Как правило, когда речь заходит об измерении времени, обывденное сознание воображает бесконечную прямую, протянувшуюся из прошлого в будущее. В христианском понимании эта прямая линия не бесконечна, точка ее начала – сотворение мира, а концу соответствует второе пришествие Христа. До сотворения мира Господом времени не было, как не будет его и по достижении Дня Господня. Время – атрибут тварного мира; Господь же пребывает в вечности. Слова «прежде всех век» из второго члена Символа Православной веры, относящиеся к рождению Иисуса Христа от Отца, и означают – «прежде начала времени». То есть Господь вечен, и действует во времени лишь по отношению к сотворенному миру. Время – лишь один из элементов творения.

Некоторые богословы пошли еще дальше: существует мнение (не разделяемое, впрочем, ортодоксальным православием) о непрекращающемся творении мира Богом. Согласно этому мнению, всемогущество Божие столь велико, что ограничивать его единственным актом сотворения мира из ничего было бы преуменьшением величия Божия; мало того, ограничивать его любым конечным числом недопустимо из тех же соображений – следовательно, Господь творит мир из ничего бесконечное множество раз. Следуя принципу бритвы Оккама, отбросим предположение о множественности миров и получим, что каждый квант времени мир рассыпается в прах и заново сотворяется Господом из ничего (квант времени, как известно, равен $7,6 \times 10^{-44}$ сек – время рождения одной частицы протон-планкеона).

Важнейшая характеристика богословского понятия о времени – его анизотропность, направленность к высшей цели Домостроительства Божия. Не отрицая времени как совокупности событий в их хронологической последовательности, эсхатологическое богословие рассматривает мир в становлении, в постижении путей спасения, в постоянном движении к Парусии.

Случается, что в адрес богословских воззрений звучат упреки противоречия данным современной науки. Люди, далекие от идей христианства, до сих пор нередко обвиняют Библию в хронологических несоответствиях; чаще всего аргументом служит «неправдоподобность» библейского повествования о сотворении мира за шесть дней. В своей наивности они не отдают себе отчета, насколько нелепы их упреки и как явно их аргументация показывает элементарное незнание с самим предметом обсуждения. Очевидно, что слово «день» употребляется в Библии в значении «отрезок времени» (и даже прямо говорится: «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день», Второе Послание Петра, глава 3, стихи 1-8). Ясно, что бессмысленно воспринимать библейский «день» как время, за которое Земля совершает оборот вокруг своей оси. Казалось бы, в двадцать первом веке условность понятия времени, его подчиненность контексту должна бы быть очевидной.

Вместе с тем в Библии, разумеется, немало повествований о событиях, не укладывающихся в прокрустово ложе современной науки. Не последнее место среди них занимают рассказы о пророчествах. Пророк

осуществляет трансгрессию, прозревает грядущее из настоящего, выходя тем самым за все и всяческие рамки и пределы. По словам о.Александра Меня, «Пророк созерцает грядущее время через вечность. Этим объясняется сокращение хронологической перспективы в пророчествах. В глазах тайновидца время как бы сжимается, и то, что наступит через многие века, представляется «грядущим вскоре»».

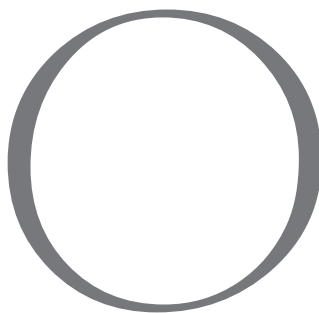
Еще одна немаловажная черта библейского времени – его цикличность. В Ветхом завете упоминаются юбилейные годы (каждые пятьдесят лет), субботние годы (каждый седьмой год), годовичные циклы праздников, недели и т.д., со строгими установлениями касательно каждого цикла.

Сохранилась цикличность и в новозаветной Церкви. Общеизвестно, что церковная жизнь регулируется тремя различными циклами – годовичным кругом, седмичным кругом и суточным кругом; каждое богослужение строится с учетом дня года, дня недели и времени суток; вдобавок на цикл непреходящих праздников (фиксированных, то есть строго связанных с определенным числом определенного месяца) накладывается цикл переходящих (то есть рассчитываемых относительно Пасхалии и приходящихся в каждом году на разные дни). Тем самым жизнь каждого христианина, участвующего в жизни Церкви и посещающего церковные службы, подчиняется сложному порядку последования и взаимопересечения нескольких богослужебных кругов.

Чрезвычайно интересно отображение времени в иконописи. К сожалению, формат данной статьи не позволяет подробно остановиться на этом вопросе; упомянем поэтому только одну особенность – возможность отображения на одном изобразительном пространстве двух разных моментов времени. Возьмем, к примеру, икону «Усмирение бури». На иконе изображен евангельский сюжет: Христос с учениками переправляется на лодке через озеро. Поднялась страшная буря, ученики испугались, что погибнут, и разбудили уснувшего Иисуса, который мановением руки усмирил ветер и море. Как мы видим, на иконе Христос изображен дважды: спящим на корме и стоящим в лодке и повелевающим ветру и волнам. Так условность иконографии вторит условности понятия времени.

Фотография Саввы Богатырева

льга Платонова — художник, иконописец. Родилась в Санкт-Петербурге. С 1993 года живет в Париже, член Ассоциации русских художников в Париже с 1994 года и парижского Дома художников с 1995 года. С 1993 года участвует в издании литературного журнала «Стетоскоп», действительный член международной Академии Зауми. После долгих лет занятий авангардом пришла к иконописи, и с конца 90-х годов практически полностью посвятила себя писанию икон.